

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Развитие лингвистики ведёт к открытию и описанию все большего и большего количества фактов, выдвижению новых гипотез и теорий – к познанию мира и человека в нём. Одновременно происходит упорядочение уже освоенных объектов с целью более простого, экономного, «красивого» представления данных. Это направление стало особенно популярным с появлением компьютерной техники. В целом в современной лингвистике «подлинный прогресс... невозможен без существенного уточнения ее формально-логического аппарата, то есть без должной формализации ее научного языка» [7, с. 15]. Стало ясно, что строить и воспринимать слова и предложения по правилам традиционных грамматик затруднительно: чрезвычайно велика роль интуиции, «языкового чутья» в образовании форм, словосочетаний. Создавая новые фразы, мы используем уже имеющиеся, в том числе экстралингвистические знания, или, по крайней мере, знания за пределами традиционного (школьного или научного) описания. Для машины же необходима предельная эксплицитность, исходное и искомое следует указывать заранее и явно, исчерпывающе. Как отмечал П.Б. Паршин, «девятнадцатый век в лингвистике был веком метода, двадцатый – веком теории. Революция затронула именно теоретическое развитие; задачи методологической революции остаются веку двадцать первому...» [9, с. 39]. Сегодня лингвистика представляет собой многообразие школ, направлений, течений. Оказалось, что лингвистик примерно столько же, сколько и лингвистов: «всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая» [Стеблин-Каменский 1974, с. 81]. С середины XX в. активизируется работа по уточнению и изменению базовых лингвистических понятий с учетом требований строгости, формальности, логичности, непротиворечивости, точности и т.п.¹

Морфология разных языков не раз была в центре внимания исследователей. Она является одним из наиболее разработанных, упорядоченных, систематизированных разделов языкознания. Поэтому закономерно, что предпринимались попытки (и довольно успешные) формализовать словоизменение разных языков. Нельзя не согласиться с Д. Вормом, который писал, что «значение того или другого морфонологического процесса, его роль в целостной словообразовательной системе, даже в некоторых случаях само его существование зависит не только от структуры объекта исследования, т. е. от факторов, присущих самому языку, но также и от теоретических предпосылок исследователя, т. е. от внутренней, логической

¹ Удачная методика сравнения описаний предложена в статье [Мельчук 1963]; популярное ее изложение см. в книге [Апресян 1966, с. 267–270]. Ценные рассуждения о том, «как нам обустроить лингвистику» см. в работах Ю.К. Лекомцева, И.И. Ревзина, Р.М. Фрумкиной, Н. Хомского.

структуры той грамматики, в которой описываются наблюдаемые морфонологические факты» [3, с. 378–379]. Поэтому важно рассмотреть некоторые варианты упорядочения описания славянской морфологии. Лучшим из них нам представляется книга «Русское именное словоизменение» А.А. Зализняка, увидевшая свет в 1967 году. Она довольно известна, поэтому ограничимся лишь краткой характеристикой. Здесь дано исчерпывающее, эксплицитное и непротиворечивое описание парадигм русских существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Задача, впервые поставленная еще Ф.Ф. Фортунатовым, была, наконец, решена. В книге акцентировано внимание на оппозиции «классификация (анализ) – синтез». Это две принципиально разные и одинаково важные исходные точки.

Истоки разделения грамматики на синтетическую и аналитическую находятся в работах Л.В. Щербы, в его оппозиции активной и пассивной грамматики. Под грамматикой анализа обычно понимают «набор правил, с помощью которых по формам слов, порядку слов в предложении можно выяснить передаваемые ими грамматические значения» [2, с. 34]. Грамматика синтеза тогда – это «набор правил, с помощью которых можно построить формы слов, расставить их в правильном порядке, так, чтобы они передавали заданные грамматические значения» [2]. В ней важен процесс получения слов и высказываний, ее «отличает динамический характер» [8, с. 15].

На позициях грамматики синтеза стоят авторы работы [1], в которой строится модель всего русского словоизменения – и склонения, и спряжения. К словоизменению отнесены также комбинаторные процессы, происходящие с русскими словами, в том числе с неизменяемыми в обычном смысле: *о/об*, *под/подо* и др. Исследователи активно используют теорию «Смысл ⇔ Текст». Ставится задача выработать полную систему правил морфологического синтеза русских словоформ, под которым понимается «преобразование глубинно-морфологического представления словоформы... в орфографическую запись этой словоформы» [1, с. 4]. Авторы оригинально трактуют ряд явлений русской морфологии. Они значительно увеличивают инвентарь русских падежей. У существительных дополнительно выделены партитивный (*кусоч сахара*) и местный (*во рту*) падежи, «вводится счетный падеж, наблюдаемый у единиц измерения» (ср. *килограммов – 5 килограмм, байтов – 5 байт*) [1, с. 8–9]. Напомним, что более обычно иное понимание счетного падежа: «Этот падеж выступает в соединении с сегментами *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре*» [4, с. 47]. Кроме того, в работе присутствует краткий падеж (для обозначения кратких прилагательных) и наречный падеж (формы на *-о* типа *гладко* и на *-и* типа *товарищески*) [1, с. 38]. Выделяется пять степеней сравнения: «положительная (*легкий*), слабая сравнительная (с префиксом *по-* – *полегче*), сильная сравнительная (*легче*), неопредельная интенсивная (*легчайший*), предельная интенсивная (с префиксом *наи-* – *наилегчайший*)» [1, с. 40]. Отрицается также наличие неизменяемых существительных [1, с. 23], поскольку «образования с *не* от существительных (*невыполнение, неспециалист, некенгуру*) также

классифицируются как члены их словоизменительной парадигмы» [1, с. 8, 40] (выделено нами. – Н. С.). Необычно приписывание существительному двух родов: одного для единственного числа и второго для множественного [1, с. 23]. Род тогда превращается в словоизменительную категорию. Наряду с рядом ценных решений, в целом это исследование неидеально в двух отношениях: во-первых, принимается значительное число упрощений и ограничений, немотивированных трактовок материала (слов) и, во-вторых, описание очень терминологизировано, насыщено условными обозначениями, что усложняет восприятие.

Очень интересный пример иерархического описания лингвистического универсума представлен в работе В.А. Карпова [5, с. 41–57]. Крупнейшим трактатом по современной общей морфологии является «Курс общей морфологии» И.А. Мельчука [6; 7]. С одной стороны, этот труд продолжает и развивает традиционную морфологию, с другой – предлагает новую, «идеальную» систему морфологических понятий, имея, таким образом, еще и предписывающую направленность. Автор выдвигает шесть требований к определениям: логическая ясность, отсутствие противоречий, богатство, тонкость, естественность, продуктивность [6, с. 1–42]. Новая система понятий отличается еще одним свойством, явным образом не сформулированным, – аппроксимативностью, т. е. приближенным, нежестким, нечетким характером определений, делений, классификаций. И.А. Мельчук стремится дать универсальные, четкие определения, однако сопротивление языкового материала (обилие промежуточных случаев, неоднозначных выражений, прихотливость отражения действительности в разных языках) постоянно подталкивает его к градуальным решениям. Например, мы находим «сильно производные» и «слабо производные» единицы, «относительность понятия словоформы», «сильно» и «слабо морфологические значения» и т.д. Этого и следовало ожидать, так как одна из «принципиальных особенностей грамматики говорящего – это ее аппроксимационный характер. <...> Дело именно в том, что сознание говорящего способно оперировать приблизительными единицами...» [8, с. 15]. Как справедливо отмечал А.Е. Супрун, «грамматика естественного, функционирующего языка (в отличие от грамматики искусственного, идеального языка) включает в себя неизбежно не только правила, но и исключения, не только четкие определения, но и оговорки, иначе говоря, может быть описана лишь в комплексе логических и вероятностно-статистических формулировок» [11, с. 93] (выделено нами. – Н.С.). В такой ситуации «размытости», отсутствия жестких границ, «перетекания» ожидалось бы введение процедуры измерения, количественного критерия, некоторой меры, но этого нет.

Одним из направлений, активно развивающих идеи Р.О. Якобсона о маркированности как фундаментальном языковом свойстве, сегодня является «натуральная морфология». Она сложилась в 1980-е годы в Центральной Европе (В. Майерталер, О. Панагль, В. Вурцел, В. Дресслер и др.) [12; 13]. В работах этих лингвистов утверждается обратная зависимость между

маркированностью и натуральностью, т. е., чем более маркирована некоторая категория, тем менее она натуральна. Натуральной же признается категория, которая: а) широко распространена и/или б) усваивается относительно рано и/или в) относительно устойчива к языковым изменениям.

С середины XX в. падает интерес к материальной структуре, к фактам плана выражения языка, более привлекательным становится изучение семантики, моделирование синтаксических, порождающих процессов. Ученые отрицают необходимость фонологии, морфонологии, морфологии, разделяя языкознание на два отдела: семантику и синтаксис. Однако практика компьютерных морфологических анализаторов заставляет вернуться к деталям построения форм – возрождается морфонология.

Таким образом, строгое определение базовых лингвистических понятий связано с рядом трудностей. Их преодоление возможно через полевой подход, через вероятностную модель, через отказ от старых терминов, превратившихся в метафоры, через четкое указание на описываемый фрагмент языка. Можно выделить два подхода к моделированию славянского словоизменения: аналитический (извлечение грамматических и лексических значений из высказываний) и синтетический (построение высказываний для передачи заданного значения). Они соотносимы с пассивной/активной грамматикой Л.В. Щербы и грамматиками слушающего/говорящего Ч. Хоккета.

Литература

1. Бидер И.Г., Большаков И.А., Еськова Н.А. Формальная модель русской морфологии: В 2 ч. М., 1978.
2. Волоцкая З.М., Молошная Т.М., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.
3. Ворт Д.С. Морфонология славянского словообразования // *American Contrib. to the 7th Internat. Congr. of Slavists*. Hague, 1973. – Vol. 1. – P. 377–391.
4. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
5. Карпов В.А. Язык как система. – Минск, 1992.
6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии в 5 т. – М., Вена, 1997–2000.
7. Мельчук И.А. Опыт разработки системы понятий и терминов для морфологии // *Семиотика и информатика*. – 1997. – Вып. 35. – С. 15–58.
8. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
9. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // *Вопр. языкознания*. 1996. – № 2. – С. 19–42.
10. Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? / *Спорное в языкознании*. Л., 1974. – С. 80–96.
11. Супрун А.Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971.
12. *Contemporary morphology* / W.U. Dressler et al. (eds). Berlin, 1990.
13. Spencer A., Zwicky A.M. *The Handbook of Morphology* / (eds). – London, 2001.